

Методы судебной аргументации в ситуации семантической неопределенности правового текста*

Д. А. Фаталиева

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Фаталиева, Дарья А. 2024. «Методы судебной аргументации в ситуации семантической неопределенности правового текста». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 3: 665–683. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2024.308>

Если в неправовых текстах языковая неопределенность либо не препятствует обычным языковым практикам, либо снимается с помощью возможных уточнений, то исключение неопределенности в правовых текстах представляется затруднительным — из-за особенностей языка правовых текстов их неопределенность не может быть исключена полностью на этапе текстуального закрепления правовой нормы. Соответственно, решение задачи по преодолению правовой неопределенности делегируется правоприменителю и возникает вопрос о том, какие методы работы с правовым текстом применимы. В статье рассматриваются выделяемые в теории юридической аргументации подходы и модели аргументации с точки зрения способности предложить методологию, которая позволит преодолеть политико-правовые следствия «открытой структуры языка» как свойства неопределенности естественного языка, на котором излагаются правовые тексты, формализовав процесс выбора одного из возможных вариантов толкования правового текста в судебных решениях. Автор приходит к выводу о том, что возможности методов работы с правовым текстом в ситуации его неопределенности, предлагаемые топики-риторическим и диалектическим подходами, ограничены формулированием предьявляемых к процессу аргументации требований (которые сами по себе не гарантируют абсолютную предсказуемость принимаемого решения), а также критериев для ретроспективной оценки обоснования принятого решения. В свою очередь, возможность критической оценки использованных аргументов ограничивает произвольность принятия решения в ситуации неопределенности правового текста, вынуждая судью следовать стандартам приемлемости и достаточности аргументации для обоснованности своего решения.

Ключевые слова: Теория юридической аргументации, правовая неопределенность, судебный формализм, судебный реализм, открытая структура языка, рациональный дискурс.

1. Введение

Признание семантической неопределенности правовых текстов в XX в. повлекло за собой пересмотр взглядов на методологию судебного толкования¹ и обусловило отказ от формализма в пользу преобладания в современной доктрине

* Исследование проведено за счет средств государственного задания Санкт-Петербургского университета по проекту «Юрико-лингвистическая неопределенность в текстах правовых актов с учетом их коммуникативных особенностей и юридических функций» (научно-исследовательская работа зарегистрирована в Центре информационных технологий и систем органов исполнительной власти (ЦИТиС), № АААА-А19-119100190156-0).

¹ В рамках настоящей статьи термины «толкование» и «интерпретация» используются в качестве синонимов.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

реалистического подхода, для которого характерно признание широкой судебной дискреции вплоть до допущения правотворческих полномочий судей в связи с открытой структурой языка правовых текстов.

Хотя в доктрине (Белов 2022b, 301)² и в судебной практике³ сформировано представление о том, что правовая определенность — это общеправовой принцип, вопрос о конкретном содержании данного понятия⁴ и о критериях выявления неопределенности, а также о методах достижения правовой определенности остается открытым. В связи с этим интересно обратиться к междисциплинарному исследованию О. В. Блиновой и С. А. Белова, в рамках которого были систематизированы языковые явления, охватываемые рассматриваемым понятием. С лингвистической точки зрения авторы разграничивают понятия неоднозначности и неопределенности. Языковая неоднозначность (ambiguity) предполагает выбор между альтернативными вариантами прочтения спорного контекста. Языковая неопределенность (vagueness) представляет собой отсутствие у языковых выражений информации, достаточной для точного установления их содержания⁵.

Если в неправовых текстах языковая неопределенность либо не препятствует обычным языковым практикам, либо снимается с помощью возможных уточнений (обращение к контексту, знаниям о мире) (Белов 2022b, 301), то исключение неопределенности в правовых текстах представляется затруднительным. Разумеется, отдельные проявления правовой неопределенности могут быть нивелированы на этапе текстуального закрепления правовой нормы путем совершенствования законодательной техники⁶. Однако предъявляемое к текстуальным формулировкам норм требование понятности также ограничивает возможности по конкретизации смысла правового текста путем установления дополнительных условий применения нормы (Белов 2022b, 302). Кроме того, в связи с особенностями языка правовых текстов неопределенность текстуальных формулировок правовых норм в любом случае не может быть исключена полностью.

Основная причина «необходимой» неопределенности содержания правовых текстов — отмеченный выше тезис об «открытой структуре» языка. Концепция открытой структуры языка разработана Ф. Вайсманом и введена в теорию права

---

² Кроме того, Р. Алекси рассматривает принцип правовой определенности (формальный принцип) в качестве системообразующего правового принципа наряду с принципом справедливости (моральный принцип), поскольку их правильное соотношение гарантирует достижение гармонии в правовой системе (Алекси 2011, 51–52).

³ См., напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 04.06.2015 № 13-П. Доступно в СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 8 августа, 2024. <http://www.consultant.ru>.

⁴ Так, А. Печеник выделяет 20 компонентов принципа правовой определенности и указывает, что правовая определенность сама по себе является неопределенным (vague) понятием (Бершицкий 2021, 7).

⁵ В качестве примеров языковой неопределенности авторы указывают, в частности, употребление градуируемых прилагательных («высокий»), нечеткость разного типа, которая проявляется, например, при употреблении хеджей («явно»), модификаторов степени проявления признака («крайне»), референциально нечетких выражений («дневное время»), названий классов объектов («транспортные средства», «уважительные причины»). Подробнее см.: (Блинова, Белов 2020; Белов 2022b, 301–302).

⁶ См., напр., работу Э. Е. Бершицкого, где подробно анализируется использование законодателем оценочных категорий с точки зрения принципа правовой определенности и предлагается перечень критериев допустимости их использования в текстах нормативных правовых актов (Бершицкий 2021, 68–112).

английским представителем современного юридического позитивизма Г.Хартом. Основная идея концепции заключается в том, что любым естественным языкам, на которых излагаются правовые тексты, с неизбежностью присуща неопределенность в пограничных случаях. Помимо свойств самого языка, невозможность текстуального закрепления правовых норм таким образом, который полностью исключил бы вопросы о его применимости к конкретному случаю и о выборе из нескольких альтернатив, также связана с особенностями человеческого мышления — с относительным незнанием фактов и относительной неопределенностью в отношении цели регулирования (Харт 2007, 128–133).

В качестве иных причин семантической неопределенности правовых текстов выделяются сложность (или невозможность) определения объективного референта юридических терминов, поскольку понятия, используемые в правовых текстах, как правило, не существуют во внешнем мире (Белов 2022b, 303). Наконец, приемы толкования, используемые судьями, могут противоречить друг другу, приводя к противоположным результатам (Brunet 2016a, 15–16; 2016b, 10).

Также отдельные сферы, подлежащие правовому регулированию, изначально предполагают большое разнообразие индивидуальных случаев, в связи с чем однородные правила не могут быть эффективно сформулированы законодателем с исключением дальнейших официальных разъяснений. В таких случаях законодатель устанавливает общие положения и делегирует принятие решений в конкретных ситуациях правоприменительным органам (судебным органам или должностным лицам) (Харт 2007, 134–139).

В качестве иллюстрации тезиса о невозможности функционирования правовой системы без нечетко сформулированных (*vague*) законов приводится пример из области регулирования дорожного движения — оно включает в себя точные стандарты (разметка на дорогах, сигналы светофора, допустимый уровень алкоголя в крови и пр.), но его цели недостижимы без использования абстрактных стандартов в связи с необходимостью охватить широкий круг действий, совершаемых с использованием автомобиля, которые выражаются в расплывчатых оценочных понятиях, таких как «опасный», «неосторожный», «разумный» (Endicott 2001, 382).

В конечном счете вопросы, связанные с языком права и правовой определенностью, подразумевают под собой политико-правовые вопросы о том, каким образом должно быть организовано взаимодействие между элементами правовой системы. В какой ситуации судья вправе проигнорировать замысел законодателя? Может ли судья отменить, изменить или не применить релевантную норму права, если ее применение приведет к очевидно абсурдному или несправедливому результату (Vix 1993, 178–180)? Иными словами, решение задачи по преодолению правовой неопределенности делегируется правоприменителю, и возникает вопрос о том, какие методы работы с правовым текстом применимы.

2. Основное исследование

2.1. Формализм и реализм как способы работы с правовым текстом

Реалистический подход возник как критическая реакция на формализм и подчеркивал «механичность» присущего ему правоприменения (Тимошина 2017, 1–13). Современная доктрина признает несостоятельность формализма в качестве

универсального метода толкования правовых текстов. Также проявляется тенденция к другой крайности — суверенизации судебной власти, сопряженной с освобождением судьбы от связанности смыслом правовых текстов, характерной для наиболее радикальной интерпретации реализма, предлагаемой французским конституционалистом М. Тропером (Тимошина 2016, 50–61).

Встречается тезис, согласно которому судебный формализм как методология работы с правовыми текстами противоречит принципу верховенства права. На практике ограниченность интерпретативных посылок методами, направленными исключительно на выявление значения терминов, включенных в правовой текст, приводит к неверным и неожиданным результатам толкования, что противоречит предсказуемости судебных решений (Maczak 2018, 67–68).

Хотя указанный тезис представляется спорным⁷, поскольку именно формализм препятствует произвольности принятия решения, интересно подробно обратиться к его обоснованию, поскольку автор рассматривает теории значения, сопоставляя их с подходами к толкованию правовых текстов. В рамках семантического интернализма отношение термина к реальности основано на сформированных автором текста критериях. Для определения значения термина необходимо идентифицировать объект, соответствующий указанным критериям, поэтому процесс толкования предполагает сопоставление объектов (вещей, людей, обстоятельств) с указанными в определении критериями. Контекст использования понятий в языковой практике остается за рамками анализа, что соотносится с судебным формализмом, который также рассматривает юридические термины с точки зрения их соответствия набору определенных критериев, из чего следует силлогистическая модель толкования и применения права — квалификация фактов на основании установленных в критериях определений (Maczak 2018, 69, 71).

Напротив, семантический экстернализм отстает от намерения автора текста и концентрируется на традициях употребления термина; значение термина выявляется на основе признаков внешней по отношению к тексту действительности, которыми систематически обозначается толкуемый термин в социальной практике. Язык воспринимается не как статичная структура, а как живая практика, в рамках которой на значение термина влияют особенности его употребления (Maczak 2018, 70–71).

Несостоятельность интернализма подчеркивается применительно к восприятию любых текстов. Определенность текста не является абстрактной, ее можно оценить только в отношении конкретного адресата. Возможность восприятия текста связана с наличием языковых и экстралингвистических компетенций⁸, и

⁷ Кроме того, автор в целом описывает формализм в крайне узком его проявлении, в частности предполагающем приоритетное значение буквального толкования правовых текстов, не учитывая позиции представителей более умеренного формалистического подхода. Так, аргентинский правовед Е. В. Булыгин смягчает некоторые тезисы формализма, в определенной степени интегрируя в классическую силлогистическую теорию толкования критические аргументы реалистов. Например, он разграничивает нормативное обоснование решения и вопрос о причинно-следственной мотивации судьбы при его принятии, волевою природу акта выбора варианта толкования в ситуации семантической неопределенности правового текста («пробел в распознавании»). См., напр.: (Тимошина и др. 2022, 61–74).

⁸ Под экстралингвистическими компетенциями понимаются способность представить социальную ситуацию — референт сообщения, включенного в правовой текст, и способность прочитать текст в общем социальном и юридическом контексте (системных связях правового текста (правового акта) со всей системой правового регулирования) (Белов 2022а, 852).

в этом смысле адресат текста всегда участвует в формировании его содержания, учитывая не только намерения автора, но и иные факторы, включая сопутствующую законодательную и правоприменительную практику (Белов 2022b, 297–301). В связи с этим адресаты правовых текстов путем толкования фактически становятся соавторами их содержания. Особенность интерпретации правовых текстов состоит в том, что их адресаты, в первую очередь правоприменители, не обладают абсолютной свободой при выборе результата толкования, в отличие, например, от читателей художественных произведений, поскольку в силу принципа равенства перед законом они обязаны формировать единообразную правоприменительную практику (Белов 2022a, 841–853).

Для иллюстрации необходимости анализа языка права как исторически развивающейся и зависимой от контекста практики приводится известный прецедент Верховного суда США «Никс против Хеддена»⁹. Перед судом был поставлен вопрос о том, каким образом для целей тарифного регулирования необходимо квалифицировать термин «помидор» — как фрукт в соответствии с научным подходом или как овощ, исходя из кулинарных практик для определения применимости пошлины (пошлиной облагался только импорт овощей).

Аргументация суда была основана на сопоставлении практик применения толкуемого понятия, включая обращение к словарным определениям слов «фрукты» и «овощи», а также к показаниям свидетелей (лиц, которые в течение 30 лет занимались продажей фруктов и овощей). С ботанической точки зрения, отраженной в словарных определениях, помидоры (как и огурцы, кабачки, фасоль, горох) обладают признаками фруктов, поскольку их плоды развиваются из вьющегося растения, содержат семена. Однако в повседневной речи продавцов и потребителей помидоры являются овощами, которые выращиваются на огородах и употребляются в качестве гарнира в основном приеме пищи (как и картофель, морковь, пастернак, репа, свекла, цветная капуста, капуста, сельдерей и салат), а не в качестве десерта как фрукты.

В результате суд квалифицировал помидор в качестве овоща, приняв во внимание более широкое значение термина, поскольку в нормативном правовом тексте прямо не оговаривалось применение спорного термина в узком («ботаническом») смысле, а принципы тарифного регулирования предполагают интерпретацию применимых правовых норм с точки зрения контекста использования терминов в повседневной жизни (Matczak 2018, 81–85).

Данный пример демонстрирует проявление открытой структуры языка правовых текстов и необходимость использования судьями в таких случаях методов, отличных от силлогической модели. Наиболее ярко необходимость применения иной методологии проявляется на примере толкования конституционного законодательства, которое не содержит легальных дефиниций, но включает большое количество оценочных понятий и общеупотребимых слов («равенство», «жизнь», «свобода», «совесть», «общие принципы» и др.), которые должны конкретизироваться в процессе правоприменения и предполагают возможный конфликт интерпретаций (Должиков, Соболева 2022, 304–305).

---

⁹ Nix v. Hedden, 149 U.S. 304 (1893). Accessed August 8, 2024. <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/149/304>.

2.2. Поиск «срединного пути»

Признание особенностей языка правовых текстов повлекло замену юридического силлогизма аргументированным решением спорных ситуаций в толковании правовых норм (Харт 2007, 131).

Преодоление ограничений формализма действительно означает бóльшую свободу судей в процессе толкования и применения правовых текстов, что наиболее очевидно на примере их адаптации к изменяющимся условиям, когда судьи учитывают различные социальные, культурные, политические и иные внеправовые факторы. Однако реализм открывает ящик Пандоры, фактически допуская неограниченное использование прагматических, ценностных, иных метаюридических соображений, отчасти дискредитируя традиционный для юриспруденции поиск формально-логических оснований в судебной аргументации.

Более взвешенный подход предлагает умеренный вариант реалистической стратегии судебного толкования. Как отмечает Харт, и формализм, и скептицизм в отношении правовых норм являются преувеличениями, которые корректируют друг друга; необходимо определить истинный подход (срединный путь), который расположен между ними, и рассмотреть типы аргументации, используемые судами «при исполнении творческой функции, которую предоставляет им открытая текста права» (Харт 2007, 151). Признание частичной судебной дискреции и ограниченной детерминированности судебных решений разделяется и другими представителями умеренного реализма (Тимошина и др. 2022, 112–113).

Сторонники более радикального варианта реализма также отрицают абсолютную свободу судьи в процессе интерпретации и произвольность принимаемых им решений. Например, в рамках неореалистической теории толкования разработана теория юридических сдержек (*contraintes juridiques*)¹⁰, согласно которой существуют факторы, влияющие на решение о смысле правового текста, обусловленные тем, что субъект толкования действует в рамках правовой системы и должен учитывать совокупность уже существующих и используемых данным субъектом и иными органами концепций (Millard 2012, 26; Тропер 2006, 143). Судья оказывается вынужден действовать наиболее разумным и эффективным образом. Так, если стабильная практика позволяет определять содержание законодательства в будущем, то при принятии произвольных решений судья рискует поставить под сомнение свою легитимность.

Реалисты подчеркивают, что процесс наделения правовых текстов смыслом в результате их толкования не является произвольным, поскольку судьи связаны необходимостью мотивировать свои решения и их аргументация подчинена правилам обоснования. На практике судьи стремятся к тому, чтобы последствия их толкования соответствовали интересам той социальной среды, в рамках которой будет применяться решение. Также решение может быть публично прокомментировано и подвергнуто критике, в связи с чем решающими становятся используемые аргументы (Brunet 2004, 206–208; 2012, 404–405).

Поскольку теория юридических сдержек лишь описывает выявленные эмпирическим путем факторы, сдерживающие произвольность принятия решений,

¹⁰ Также встречаются следующие варианты перевода термина: «аргументативные сдержки» (Антонов 2015, 119), «непрямые обязательства» (Тропер 2006, 136–137).

и не предлагает объективных критериев, отграничивающих юридические сдержки от иных внеправовых факторов, которые влияют на аргументацию судей, и методов, которые позволили бы формализовать процесс принятия решения о значении правового текста (Фаталиева 2023, 378–380), предлагается сконцентрироваться на контексте обоснования решения и обратиться к теории юридической аргументации, рассмотрев вопрос о том, какую альтернативу дедуктивной модели она предлагает для принятия решения о выборе значения правового текста с учетом всех релевантных факторов (all-things considered approach).

2.3. Эволюция подходов к юридической аргументации

Если в результате толкования устанавливается смысл правовой нормы, аргументация заключается в обосновании правильности избранного варианта толкования с юридической точки зрения. Так, заявление судьи о том, что «раздел X Закона Z означает N», должен сопровождаться аргументом, обосновывающим результат толкования (N) как верное толкование положения D с учетом контекста C. В итоге может быть выделен результат толкования в узком смысле — правовая норма, которая приводится автором толкования в качестве «правильного» значения толкуемого нормативного положения, и в широком смысле — «правильное» значение нормативного положения, сопровождающееся интерпретативными аргументами или обосновывающим дискурсом (Chiasoni, Feteris 2016, 561–562).

Теория юридической аргументации объединяет описательный элемент (эмпирическое исследование аргументации в судебных решениях) и нормативный элемент (модель допустимой аргументации). В ее центре — критерии допустимости (soundness, acceptability) аргументов и анализ их достаточности. В частности, она отвечает на вопросы о том, когда обоснование толкования правовой нормы будет приемлемым; каким образом в юридической аргументации соотносятся правовые нормы, правовые принципы и ссылки на нормы морали и ценности; насколько исчерпывающей должна быть аргументация в судебном решении (Feteris, Kloosterhuis 2009, 307–310).

В теории аргументации выделяются логический, риторический и диалектический (диалогический) подходы сообразно с «триумвиратом» аргументации¹¹, включающим в себя три соответствующие перспективы аргументации: риторический процесс, диалектическую процедуру и логический результат (Feteris 2016, 675; Johnson 2009, 4; Regh 2003, 172) — в зависимости от критерия, используемого для обоснования допустимости юридических аргументов.

Для логического подхода таким критерием выступает принцип формальной действительности (validity), а также язык логики. Только если аргумент логически действителен, решение (вывод) представляет собой следствие из нормы права и фактических обстоятельств (посылок). Логический подход является наиболее ранним в теории юридической аргументации (Feteris, Kloosterhuis 2009, 312). В качестве его недостатков отмечаются ограниченность формальной обоснованностью, абстрагирование от иных составляющих — дискуссионного, институционального и контекстуального характера аргументов (Лисанюк 2004).

---

¹¹ Термин введен Р.Джонсоном (Johnson 2009).

В связи с этим логический подход соотносим с формализмом. Как отмечает Р.Алекси, судебное решение нельзя рассматривать как логическое заключение из общих посылок, в том числе по причине неясности юридического языка (Должиков, Соболева 2022, 314–315). Для рассмотрения альтернативных методов необходимо подробнее обратиться к риторическому и диалектическому подходам, характеризующим две концепции дискурса — топико-риторическую и процедурную (Stelmach, Bartosz 2006, 131).

2.3.1. Риторический подход

Риторический подход возникает как реакция на выделение формальных аспектов аргументации и основывается на материальном аспекте (содержании аргумента) и на зависящих от контекста факторах допустимости. Основным критерием допустимости выступает эффективность аргументации для аудитории, к которой она обращена (Feteris, Kloosterhuis 2009, 313).

Среди наиболее значимых представителей риторического подхода — Х.Перельман (Perelman 1976). В рамках аргументативной теории ученый развивает тезисы неориторики, согласно которой критерием допустимости аргументации выступает ее одобрение аудиторией (универсальной или конкретной). Для убеждения аудитории автор аргументации обращается к общим местам аргументации (топам, *loci*). Перельман использует терминологию классической риторики Аристотеля и указывает, что топы — «неисчерпаемый арсенал, к которому любой человек, желающий убедить другого, будет вынужден обращаться» (Соболева 2001, 26). В качестве топов могут выступать общие ценности (например, равенство всех индивидов), правовые принципы.

Еще одним значимым направлением данного подхода выступает топическая юриспруденция. По Т.Фивегу, топы представляют собой «умственные ориентиры», являются подсказкой о том, какие аргументы нужно использовать, а также выступают отправными пунктами при разрешении конкретных проблем (Chiasoni, Feteris, Kreuzbauer 2016, 631–633; Соболева 2001, 28–30). На основе изучения судебной практики различных юрисдикций была сформулирована система, в которую вошли следующие топы: 1) максимы права (например, *ultra vires* — «акт, принятый с превышением полномочий, не имеет силы»); 2) текст закона (обычное значение слова; терминологическое значение слова; структура и взаимоотношение частей текста — контекстно-гармонизирующие аргументы); 3) прецедент (ранее данное толкование); 4) намерение законодателя (обращение к истории разработки и принятия нормы (*travaux préparatoires*)); сравнительно-сопоставительный анализ частей текста); 5) цель закона; 6) наилучшие последствия (прагматические аргументы); 7) эволюция нормы в связи с социальными изменениями; 8) топы логико-концептуального типа (принципы, концепции и доктрины, разработанные судами в качестве тестов для проверки правильности решений; правовые доктрины и теории); 9) социальные ценности; 10) научные данные; 11) социальные теории; 12) статистические данные; 13) здравый смысл (Соболева 2001, 85–175).

При выборе варианта интерпретации судья обосновывает свое решение. Если оно основывается не на обращении к топам, связанным с текстом закона (буквальное толкование), то необходима развернутая аргументация на основании других

общих мест (топов). В рамках каждого топа возможно использование различных аргументов; наиболее распространенными являются аргументы к справедливости, авторитету, транзитивности, смыслу, обстоятельству, к причине и аргумент «от природы вещей» (*ad genus*) (Соболева 2001, 175).

В качестве недостатков риторического подхода отмечаются его описательный характер, а также акцент на материальных аспектах аргументации, использование в качестве критерия допустимости аргументации ее эффективности в части влияния на определенную аудиторию (Лисанюк 2004). При этом в рамках подхода очерчивается круг потенциальных аргументов, которые могут быть рассмотрены судом при выборе одного из вариантов толкования и использованы при выборе обоснования.

2.3.2. Диалектический подход

В отличие от логического и риторического подходов, представители диалектического подхода учитывают и формальные, и материальные, а также процедурные критерии допустимости аргументации, рассматривая ее как рациональную коммуникацию, цель которой — достижение приемлемого для юридического сообщества консенсуса. Данный подход представляет собой попытку нивелировать ограниченность первых двух подходов. Процесс выбора одного из вариантов интерпретации в ситуации семантической неопределенности правового текста описывается не как логическое умозаключение, но как «прыжок» от аргументов к выводу, который регулируется правилами рационального дискурса (Aarnio 2011, 134–135).

Главным вопросом является обоснование выбора варианта толкования, различается внутренний (дедуктивная рациональность) и внешний (дискурсивная рациональность) уровень обоснования. На уровне внутреннего обоснования важен формальный аспект — аргумент должен быть логически действительным, т. е. состоять из правовой нормы и фактических обстоятельств (посылки) и решения (вывод). На уровне внешнего обоснования основными являются материальные аспекты: могут ли правовая норма и фактические обстоятельства, используемые в качестве посылок, быть признаны допустимыми?

В рамках подхода разграничиваются «трудные дела» (*hard cases*) и «простые дела» (*clear cases*). В простых делах, для которых характерно отсутствие разногласий о применимых нормах и о фактах, достаточно дедуктивного обоснования. В трудных делах, в которых оспариваются факты или применимые нормы, требуется цепочка аргументов, направленная на реконструкцию недостающих посылок силлогизма (Feteris, Kloosterhuis 2009, 316). Для этого предлагается следующая модель: в первую очередь определяются обоснованность и приемлемость соответствующей нормы материального права (выявление институциональной поддержки), затем устанавливается смысл нормы для ее использования при решении дела, т. е. осуществляется толкование правового текста; фактические обстоятельства квалифицируются в соответствии с применимыми нормами материального права; определяются правовые последствия доказанных фактов в соответствии с нормой права и формулируется окончательный вывод (Aarnio 2011, 134).

Критерием приемлемости аргументации выступает соблюдение процедуры рационального дискурса, основанного на принципах непротиворечивости, теле-

ологической рациональности, проверяемости, согласованности, обобщаемости, достоверности и открытости (Stelmach, Bartosz 2006, 143; Feteris, Kloosterhuis 2009, 315). Перечень общих правил рационального дискурса более развернут и включает в себя необходимость следования основным принципам языковой коммуникации (в частности, практический дискурс должен вестись с помощью максимально простого языка, использовать отличные от общепринятых значения слов, только если это специальное значение принимается всеми участниками дискурса; процесс и результаты дискурса должны быть обобщаемы); применимость практического дискурса только в трудных делах; в рамках практического дискурса должны использоваться общепринятые аргументативные стандарты, практики и обычаи (Stelmach, Bartosz 2006, 143–154).

Таким образом, диалектический подход сообразно с реализмом допускает в качестве оснований решения не только применимые нормы права, но и различные метаюридические аргументы, которые в конечном счете направлены на выявление посылок юридического силлогизма. Преимущество подхода состоит в комплексном характере критериев допустимости аргументов.

Критические замечания в отношении подхода связаны с тем, что правила рационального дискурса сами по себе не гарантируют возможности принятия решения по любому вопросу (или окончательность такого решения), поскольку они могут быть выполнены лишь частично, этапы процесса аргументации не являются строго фиксированными, а сам дискурс исторически изменчив. Алекси соглашается с тем, что соблюдение правил не означает достижение единственно верного результата, однако его существование и не предполагается — целью аргументации является обоснование одного из допустимых вариантов решения, и в этом смысле правила способны предотвратить иррациональность поведения, поскольку предоставляют инструмент для критической оценки аргументов (Feteris 2016, 681).

Отдельным направлением является прагма-диалектический подход. Его основополагающая характеристика — воссоздание модели критической дискуссии (critical discussion), нацеленной на разрешение правового спора.

Прагматический аспект рассматривает аргументацию как целенаправленную форму речи, а элементы обсуждения в дискуссии — как речевые акты, обладающие определенной функцией в разрешении спора. Диалектический аспект предполагает, что аргументация выступает частью критического обмена элементами обсуждения с целью подвергнуть обсуждаемую точку зрения критической проверке. Ключевыми моментами для прагма-диалектического подхода являются идеальная модель критической дискуссии и кодекс поведения спорящих сторон. При анализе аргументативного дискурса оцениваются следующие аспекты: 1) спорные точки зрения и занятые сторонами позиции; 2) аргументы сторон; 3) структура аргументов; 4) используемые сторонами аргументативные схемы¹²; 5) соблюдение правил критической дискуссии.

¹² Понятия «аргумент» и «аргументативная схема» не тождественны, но в некоторых случаях они используются как взаимозаменяемые — для прагма-диалектического подхода характерно совпадение названия аргументативной схемы и аргумента, формой представления которого она является. Так, аргументативная схема «аргумент из последствий» включает в себя как формулу «Если произойдет А, то это приведет к хорошим (плохим) последствиям». Поэтому А должно (не должно) произойти», так и критические вопросы, используемые для оценки аргумента, например «Какова вероятность, что упомянутые последствия могут произойти?».

При рассмотрении спора дискуссию ведут его стороны, их аргументы также критически оцениваются судьей. В свою очередь, решение судьи подвергается критике со стороны аудитории-адресата — сторон рассматриваемого спора, вышестоящих судей и всего юридического сообщества. Это требует от судьи указания фактов, применимых норм права, способов толкования, правовых принципов и иных оснований его решения. В рамках обоснования решения как элемента критической дискуссии судьи и его возможных оппонентов он предвосхищает возможные контраргументы (критические реакции) (Feteris, Kloosterhuis 2009, 319–322).

Критическая дискуссия включает в себя следующие этапы: этап «конфронтации», предполагающий пассивную роль судьи; вводный этап, как правило, явным образом не выявляемый в рамках судебного разбирательства и представленный согласием участников в отношении общих исходных положений (правовых норм материального права, правовых принципов и юридической догматики) и системы правил ведения дискуссии; этап аргументации, предполагающий защиту сторонами своих точек зрения в соответствии с процессуальными требованиями и оценку судьей аргументации и представленных доказательств; завершающий этап — принятие решений судьей (Eemeren, Grootendrost 2004, 59–62).

Для оценки аргументации необходимо выявить разногласие между спорящими сторонами, между истцом и судом, а также аргументы и взаимосвязи между ними. На этапе аргументации возможно использование структур аргумента различной степени сложности (Eemeren, Grootendrost 2004, 59–62; Mochales, Ieven 2009). Структура аргумента зависит от рассматриваемого дела. В простых делах один аргумент может быть достаточным для обоснования принятого решения. В то же время зачастую необходима более развернутая структура аргумента, в частности для дополнительного обоснования применимости конкретной нормы права.

Последним этапом является непосредственная оценка самих аргументов — определение (в том числе с точки зрения применимого законодательства¹³) того, были ли применены корректные аргументативные схемы (Feteris, Kloosterhuis 2009, 324–325).

2.4. Судебная аргументация при разрешении конкретного «трудного дела»

Рассмотрим методы аргументации в рамках конкретного «трудного дела» на примере недавнего решения Международного суда ООН (далее — Суд) по делу о некоторых иранских активах. Требования Ирана были основаны на введении США санкций, в связи с чем, по заявлению Ирана, были нарушены обязательства США по Договору о дружбе, экономических отношениях и консульских правах от 1955 г. (далее — Договор). Одно из рассматриваемых в деле возражений против юрисдикции Суда было связано с вопросом о том, охватывает ли термин «компания», указанный в ч. 1 ст. III Договора, Центральный банк Ирана (Bank Markazi) (далее — Банк)¹⁴. Выбор данного примера обусловлен тем, что он представляет со-

¹³ В качестве примера приводится предусмотренный уголовно-правовым законодательством запрет аргументации по аналогии.

¹⁴ США требовали отклонить предполагаемые нарушения Договора в отношении Банка как не относящиеся к юрисдикции Суда.

бой «трудное дело», поскольку Суду требовалось осуществить выбор из возможных вариантов толкования термина «компания», и решение Суда вызвало критическую реакцию в особых мнениях, что позволяет оценить допустимость аргументации Суда сквозь призму ее эффективности для аудитории-адресата.

Суд указывает на необходимость истолкования термина «компания» в контексте и в свете объекта и цели Договора¹⁵, но не ссылается на релевантные положения Венской конвенции о праве международных договоров от 1963 г.¹⁶

Далее фактически пропускается этап последовательного толкования рассматриваемого положения Договора и анализируется аргумент Ирана о том, что характер деятельности юридического лица (в частности, осуществляет ли оно государственные функции) не имеет значения для его квалификации в качестве компании по смыслу Договора. Наличие правосубъектности юридического лица по национальному законодательству одной из сторон является достаточным. По мнению Суда, как системное, так и телеологическое толкование однозначно указывает на то, что Договор направлен на обеспечение прав и защиту физических и юридических лиц, занимающихся деятельностью коммерческого характера. Таким образом, юридическое лицо, выполняющее исключительно государственные функции, не может быть квалифицировано в качестве компании и претендовать на предусмотренные Договором гарантии¹⁷. Осуществление коммерческой деятельности наряду с выполнением государственных функций не является препятствием для квалификации в качестве компании, даже если коммерческая деятельность не является основным видом деятельности юридического лица¹⁸.

Поскольку для квалификации Банка в качестве компании требовалось установить характер его деятельности на территории США во время принятия мер, которые, по заявлению Ирана, нарушили предполагаемые права Банка¹⁹, анализ был продолжен в рамках рассмотрения дела по существу. Суд ввел дополнительный критерий — связь совершаемых сделок с осуществлением государственной функции²⁰. Сделка в отношении бездокументарных облигаций была осуществлена в рамках управления валютными резервами Ирана — государственной функции, не имеющей аналогов в коммерческой сфере, в связи с чем Суд пришел к выводу, что Банк не является компанией. Вывод был подвергнут критике в особых мнениях за отсутствие в аргументации двух решений преемственности²¹, «необходимой для поддержания авторитета высшего международного судебного органа»²².

Наиболее явным недостатком аргументации Суда при рассмотрении конфликтов интерпретаций понятия «компания» выступает несоблюдение требований непротиворечивости — отсутствие последовательности в аргументации Суда без

¹⁵ I. C. J. Certain Iranian Assets (Islamic Republic of Iran v. United States of America) (Certain Iranian Assets). Preliminary Objections. Judgment of February 13, 2019. § 89. Accessed August 8, 2024. <https://www.icj-cij.org/case/164>.

¹⁶ Доступна в СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 8 августа, 2024. <http://www.consultant.ru>.

¹⁷ I. C. J. Certain Iranian Assets (Islamic Republic of Iran v. United States of America) (Certain Iranian Assets). Preliminary Objections. Judgment of February 13, 2019. § 90–93.

¹⁸ Ibid. § 92.

¹⁹ Ibid. § 97.

²⁰ Certain Iranian Assets. Judgment of March 30, 2023. § 51.

²¹ Certain Iranian Assets. Separate opinion of Judge Salam. § 10; Separate Opinion of Judge Yusuf. § 9; Separate opinion of Judge Robinson. § 14.

²² Certain Iranian Assets. Separate opinion of Judge Benouna. § 12.

эксплицитного обоснования причин отступления от предшествующей правовой позиции. Пример наглядно иллюстрирует «непрямое обязательство» авторов толкования следовать стандартам приемлемости и достаточности аргументации для обоснованности своего решения в связи с возможной критической реакцией других акторов правовой системы.

В качестве обратного примера развернутой аргументации обратимся к особому мнению судьи Томки, посвященному интерпретации ч. 1 ст. III Договора в связи с рассмотрением дела по существу в отношении других иранских компаний. Толкованию подлежала фраза «правосубъектность компаний <...> должна признаваться». По мнению судьи, в решении не была отражена суть разногласий сторон в отношении вариантов интерпретации; вывод Суда также не был основан на надлежащем толковании Договора.

Аргументация судьи начинается с указания необходимости толкования Договора согласно ст. 31–33 Венской конвенции²³. Судья обращается к сопоставлению положений Договора с практикой заключения аналогичных международных договоров для иллюстрации исторического и экономического контекста его заключения. На момент заключения Договора правосубъектность юридического лица, как правило (в отсутствие соответствующего международного договора), не признавалась за пределами государства, в котором оно было учреждено, хотя это требовалось для того, чтобы юридические лица могли осуществлять свою деятельность за границей — заключать договоры, обращать взыскание в случае задолженности, выступать участниками судебных процессов. В связи с этим США включали в аналогичные договоры положения, гарантирующие взаимное признание юридического статуса компаний²⁴.

Затем судья переходит к толкованию положения, начиная с установления обычного значения слова «признание». В международном частном праве признание означает, что признающее государство соглашается распространить на свою правовую систему определенные правовые последствия, которые приписываются какому-либо явлению в правовой системе другого государства. В отношении юридических лиц, созданных в соответствии с законодательством другого государства, оно означает признание право- и дееспособности таких юридических лиц²⁵.

Объект и цель Договора, как отмечено в его преамбуле, заключаются в «поощрении взаимовыгодной торговли и инвестиций и более тесных экономических связей в целом». Признание юридического статуса компаний отвечает указанной цели, поскольку в противном случае компания одной стороны не сможет осуществлять свою деятельность на территории другой стороны. Признание правосубъектности необходимо прежде всего для того, чтобы компании одной из сторон могли иметь свободный доступ к судам на территории другой стороны, право на который гарантируется ч. 2 ст. III Договора. В качестве дополнительного аргумента используется ссылка на подготовительные материалы, согласно которым толкуемое положение не предоставляет компаниям прав на ведение предпринимательской деятельности,

---

²³ Certain Iranian Assets. Separate Opinion of Judge Tomka. § 3.

²⁴ Ibid. § 4.

²⁵ Ibid. § 7–9.

а только обеспечивает их признание в качестве субъектов права для того, чтобы они могли защищать свои права в суде²⁶.

Далее судья обращается к аргументам сторон и приходит к выводу о том, что позиция Ирана о том, что Договор требует наделения иранских компаний на территории США таким же юридическим статусом, каким они обладают по национальному корпоративному законодательству, не подтверждается его толкованием²⁷. Кроме того, Суд пришел к неверному выводу о том, что США нарушили свое обязательство по признанию правосубъектности иранских компаний в связи с необоснованностью мер по блокировке их активов²⁸.

Аргументация в особом мнении демонстрирует в некотором смысле эталонный пример обоснования решения о выборе варианта интерпретации правового текста. В рамках процесса обоснования отчетливо выделяются этапы, сопоставимые с моделью критической дискуссии: судья представляет свою позицию, затем обращается к оценке аргументов сторон, определяя, в чем заключается разногласие между ними, и решения, принятого Судом. Выбор варианта интерпретации ч. 1 ст. III Договора основан на последовательной работе с топами, как кодифицированными в Венской конвенции (обычное значение слова, структура и взаимоотношение частей правового текста, цель правовой нормы, обращение к истории ее разработки), так и прямо непоименованными в ней (выявление смысла международного договора) с помощью сравнительно-сопоставительного анализа с положениями аналогичных международных договоров.

3. Выводы

Обращение к разрабатываемым в рамках теории юридической аргументации подходам демонстрирует их ограниченные возможности по преодолению политико-правовых следствий семантической неопределенности правовых текстов.

Так, топики-риторический и диалектический подходы к юридической аргументации развиваются в контексте умеренной версии реалистического стиля судебного толкования и предлагают соотносимые с реализмом методы обоснования решения о выборе варианта толкования правового текста в ситуации его неопределенности.

В рамках риторического подхода наиболее ярко проявляется описательная функция теории юридической аргументации, поскольку предпринимаются попытки описать каталог топов на основе эмпирического изучения судебной практики. Предлагаемый риторическим подходом материальный критерий допустимости аргументации (убедительность для аудитории) едва ли способен ограничить произвольный характер принятия решения судьей о выборе варианта интерпретации правового текста. Повышение степени предсказуемости судебного решения в данном случае возможно только с точки зрения того, что перечень топов как исходных посылок очерчивает круг потенциальных аргументов судьи, которые он может (но не обязан) использовать в качестве основания для принятия решения.

²⁶ Certain Iranian Assets. Separate Opinion of Judge Tomka. § 11–15.

²⁷ Ibid. § 17–22.

²⁸ Ibid. § 26–27.

Диалектический подход (включая его наиболее современное направление — прагма-диалектический подход) рассматривает аргументацию наиболее комплексно и объединяет формальный, материальный и процедурный аспекты. Предлагаемая модель аргументации не дискредитирует метод силлогизма — он остается самостоятельным методом обоснования принятого решения в «легких делах» либо составляет основу обоснования в «трудных делах» в совокупности с другими аргументами, объясняющими выбор альтернативных посылок. Поскольку допустимость аргументации основана на соблюдении принципов и правил рационального дискурса или критической дискуссии, диалектический подход отражает нормативный аспект теории юридической аргументации и наиболее явно демонстрирует попытку формализовать процесс выбора одного из вариантов интерпретации правового текста.

Однако возможности предлагаемой диалектическим подходом модели аргументации по повышению предсказуемости решения в ситуации открытой структуры языка также достаточно ограничены. В первую очередь это связано с тем, что разделение дел на простые и трудные весьма условно и требует предварительного разрешения (в процессе толкования) вопроса о том, является ли правовой текст определенным также на основании дискреции суда.

Кроме того, соблюдение правил рациональной дискуссии само по себе не гарантирует абсолютную предсказуемость принимаемого решения в трудных случаях, но предоставляет критерии для ретроспективной оценки аргументации судьи. В то же время именно указанный фактор ограничивает произвольность принятия решения, поскольку судья оказывается вынужден следовать стандартам приемлемости и достаточности аргументации для обоснованности своего решения.

Таким образом, хотя теория юридической аргументации не предлагает инструмента, который полностью нивелировал бы политико-правовые следствия открытой структуры языка, в ее рамках формулируются предъявляемые к процессу аргументации и используемым аргументам требования, которые способны отчасти формализовать процесс выбора одного из вариантов толкования.

В то же время представляется, что модель допустимой аргументации должна также учитывать нормативно закрепленные правила толкования (например, ст. 31–33 Венской конвенции) для более полной критической оценки аргументации суда и того, насколько вольно суд обращается с интерпретируемым правовым текстом (в том числе для понимания обоснованности применения того или иного способа толкования — обоснован ли он нормативно или исключительно доктринально).

Библиография

- Алекси, Роберт. 2011. «Дуальная природа права». *Право Украины* 1: 45–58.
- Антонов, Михаил В. 2015. «Неореалистическая концепция М. Тропера и спор о правовых суждениях во французской правовой доктрине». *Проблемы методологии и философии права*. Ред. Сергей Н. Касаткин, 116–131. Самара: Самар. гуманит. акад.
- Белов, Сергей А. 2022а. «Параметры правовой коммуникации: адресаты правовых актов». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 13 (4): 841–859. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.401>

- Белов, Сергей А. 2022b. «Роль языка в обеспечении понятности и определенности нормативных правовых актов». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 13 (2): 293–308. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.201>
- Бершицкий, Эдуард Е. 2021. *Правовая определенность и оценочные категории: краткий очерк на примере составов правонарушений в различных отраслях права*. М.: М-Логос.
- Блинова, Ольга В., Сергей А. Белов. 2020. «Языковая неоднозначность и неопределенность в русских правовых текстах». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 11 (4): 774–812. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.401>
- Должиков, Алексей В., Анита К. Соболева. 2022. «Толкование и аргументация в решениях Конституционного Суда». *Конституционный Суд России: осмысление опыта*. Под ред. Андрея Н. Медушевского, 302–359. М.: Центр конституционных исследований.
- Лисанюк, Елена Н. 2004. «Аргументация в нормативных контекстах: подходы и проблемы». *Коммуникация и образование: сб. ст.* Под ред. Сергея И. Дудника, 216–233. СПб.: С.-Петербург. филос. об-во.
- Соболева, Анита К. 2001. *Топическая юриспруденция*. М.: Добросвет.
- Тимошина, Елена В. 2016. «Судья как новый суверен: волюнтаристская теория толкования Мишеля Тропера». *Вестник Российского университета дружбы народов* 2: 50–61.
- Тимошина, Елена В. 2017. «Методология судебного толкования: генезис и эволюция реалистического подхода». *Право и политика* 12: 1–13. <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2017.12.25079>
- Тимошина, Елена В., Наталья С. Васильева, Арсений А. Краевский, Вячеслав Е. Кондуров, Дарья А. Сошникова. 2022. *Стратегии судебного толкования и принципы права*. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та.
- Тропер, Мишель. 2006. «Реалистическая теория толкования». *Сравнительное конституционное обозрение* 1 (54): 136–143.
- Фаталиева, Дарья А. 2023. «Теория юридических сдержек: фактические границы правотворческих полномочий судьи с точки зрения неореалистической теории толкования». *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки* 2: 368–382. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-2-368-382>
- Харт, Герберт Л. А. 2007. *Понятие права*. Пер. с англ. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та.
- Aarnio, Aulis. 2011. *Essays on the doctrinal study of law*. Dordrecht: Springer.
- Bix, Brian. 1993. *Law, language and legal determinacy*. Oxford: Clarendon Press.
- Brunet, Pierre. 2004. «Irrationalisme et anti-formalisme: sur quelques critiques du syllogisme normative». *Droits: Revue française de théorie juridique* 39: 197–217.
- Brunet, Pierre. 2012. «Le réalisme n'est-il qu'une théorie de l'interprétation?» *Réalisme, interprétation, transgression*, 397–414. France.
- Brunet, Pierre. 2016a. «Analyse réaliste du jugement juridique». *Cahiers Philosophiques* 147: 9–25.
- Brunet, Pierre. 2016b. «Examen sceptique de la distinction entre motifs juridiques et motifs non-juridiques». *Les motifs non-juridiques des jugements internationaux*. Eds Florian Couveinhes Matsumoto, Raphaëlle Nollez-Goldbach, 9–22. Paris: Editions Pedone.
- Chiasoni, Pierluigi, Eveline Feteris. 2016. «A Note on Terminology and purpose» *A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence*. Vol. 12 (2): *Legal philosophy in the twentieth century: The civil law world*. Part 4: *Legal reasoning*. Ed. by Enrico Pattaro, 561–564. Dordrecht: Springer.
- Chiasoni, Pierluigi, Eveline Feteris, Hanna Maria Kreuzbauer. 2016. «Taking stock of the past: Rhetoric, topics, hermeneutics». *A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence*. Vol. 12 (2): *Legal philosophy in the twentieth century: The civil law world*. Part 4: *Legal reasoning*. Ed. by Enrico Pattaro, 627–646. Dordrecht: Springer.
- Eemeren, Frans H., Rob Grootendorst. 2004. *A systemic theory of argumentation, the pragma-dialectical approach*. New York: Cambridge University Press.
- Endicott, Timothy. 2001. «Law is necessarily vague». *Legal Theory* 4: 379–385.
- Feteris, Eveline, Huis Kloosterhuis. 2009. «The analysis and evaluation of legal argumentation: Approaches from legal theory and argumentation theory». *Studies in Logic, Grammar and Rhetoric* 29: 307–331.
- Feteris, Eveline. 2016. «Advancing reason to its further borders». *A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence*. Vol. 12 (2): *Legal philosophy in the twentieth century: The civil law world*. Part 4: *Legal reasoning*. Ed. by Enrico Pattaro, 665–708. Dordrecht: Springer.

- Johnson, Ralph H. 2009. "Revisiting the logical/dialectical/rhetorical triumvirate". *OSSA Conference Archive* 8: 1–13.
- Matzcak, Marcin. 2018. "Why judicial formalism is incompatible with the rule of law". *Canadian Journal of Law & Jurisprudence* 1: 61–85. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2831477>
- Millard, Éric. 2012. "Les contraintes, entre ressources stratégiques et théorie de la régularité". *Droits* 1 (55): 23–40.
- Mochales, Raquel, Aagje Ieven. 2009. "Creating an argumentation corpus: Do theories apply to real arguments? A case study on the legal argumentation of the ECHR". *Proceedings of the 12th International Conference on Artificial Intelligence and Law (ICAIL '09)*: 21–30. <https://doi.org/10.1145/1568234.1568238>
- Perelman, Chaïm. 1976. *Logique Juridique. Nouvelle Rhétorique*. Paris: Dalloz.
- Regh, William. 2003. "Habermas, argumentation theory, and science studies: Toward interdisciplinary cooperation". *Informal Logic* 23 (2): 161–182.
- Stelmach, Jerzy, Brozek Bartosz. 2006. *Methods of legal reasoning*. Dordrecht: Springer.

Статья поступила в редакцию 27 ноября 2023 г.;
рекомендована к печати 29 апреля 2024 г.

Контактные данные:

Фаталиева Дарья Александровна — преп.; <https://orcid.org/0000-0002-7590-7868>,
d.fatalieva@spbu.ru

Methods of judicial argumentation in case of semantic uncertainty of a legal text*

D. A. Fatalieva

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Fatalieva, Daria A. 2024. "Methods of judicial argumentation in case of semantic uncertainty of a legal text". *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 3: 665–683. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2024.308> (In Russian)

While in non-legal texts linguistic uncertainty either does not hinder normal linguistic practices or can be removed by clarifications, the elimination of uncertainty in legal texts is complicated since peculiarities of legal language precludes its complete exclusion. Accordingly, the task of overcoming legal uncertainty is delegated to the judge and the question arises as to what methods of dealing with the legal text are applicable. The article examines the approaches distinguished in the theory of legal argumentation to assess whether they can offer a methodology which will be able to overcome the policy consequences of the language "open texture" as a characteristic of uncertainty of the natural language in which legal texts are presented by formalizing the process of choosing one of the possible options of the legal text interpretation in judicial decisions. The author concludes that the methods to deal with an uncertain legal text offered by the topical-rhetorical and dialectical approach are limited to the formulation of requirements for the process of argumentation (which do not guarantee absolute predictability of the decision to be made), as well as criteria to evaluate the justification of the decision retrospectively. In turn, the possibility to critically assess the arguments limits the arbitrariness, forcing the judge to follow standards of acceptability and sufficiency of the reasoning to justify their decision.

Keywords: legal argumentation theory, legal uncertainty, judicial formalism, judicial realism, language open texture, rational discourse.

---

* The research was funded by the St. Petersburg University state assignment for the project "Legal and linguistic uncertainty in the texts of legal acts taking into account their communicative features and legal functions" (the research work is registered with the Center for Information Technologies and Systems of Executive Authorities (CITIS), no. AAAA-A19-119100190156-0).

References

- Aarnio, Aulis. 2011. *Essays on the doctrinal study of law*. Dordrecht, Springer.
- Alexy, Robert. 2011. "Dual nature of law". *Pravo Ukrainy*. 1: 45–58. (In Russian)
- Antonov, Mikhail V. 2015. "M. Troper's neorealist concept and the dispute about legal judgements in French legal doctrine". *Problemy metodologii i filosofii prava*. Ed. by S. N. Kasatkin, 116–131. Samara, Samarskaia gumanitarnaia akademiia Publ. (In Russian)
- Belov, Sergei A. 2022a. "Characteristic of legal communication: Addressees of legal acts". *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 13 (4): 841–859. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.401> (In Russian)
- Belov, Sergey A. 2022b. "The role of language in providing intelligibility and certainty of normative legal acts". *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 13 (2): 293–308. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2022.201> (In Russian)
- Bershchitsky, Eduard, E. 2021. *Legal certainty and evaluative categories: A brief essay on the example of compounds of offences in various branches of law*. Moscow, M-Logos Publ. (In Russian)
- Bix, Brian. 1993. *Law, language and legal determinacy*. Oxford, Clarendon Press.
- Blinova, Olga V., Sergei A. Belov. 2020. "Linguistic ambiguity and vagueness in Russian legal texts". *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 11 (4): 774–812. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2020.401> (In Russian)
- Brunet, Pierre. 2004. "Irrationalisme et anti-formalisme: sur quelques critiques du syllogisme normative". *Droits: Revue française de théorie juridique* 39: 197–217.
- Brunet, Pierre. 2012. "Le réalisme n'est-il qu'une théorie de l'interprétation?" *Réalisme, interprétation, transgression*, 397–414. France.
- Brunet, Pierre. 2016a. Analyse réaliste du jugement juridique. *Cahiers Philosophiques* 147: 9–25.
- Brunet, Pierre. 2016b. "Examen sceptique de la distinction entre motifs juridiques et motifs non-juridiques". *Les motifs non-juridiques des jugements internationaux*. Eds Florian Couveinhes Matsumoto, Raphaëlle Nollez-Goldbach, 9–22. Paris, Editions Pedone.
- Chiasoni, Pierluigi, Eveline Feteris. 2016. "A note on terminology and purpose" *A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence*. Vol. 12 (2): *Legal philosophy in the twentieth century: The civil law world*. Part 4: *Legal reasoning*. Ed. by Enrico Pattaro, 561–564. Dordrecht, Springer.
- Chiasoni, Pierluigi, Eveline Feteris, Hanna Maria Kreuzbauer. 2016. "Taking stock of the past: Rhetoric, topics, hermeneutics". *A treatise of legal philosophy and general jurisprudence*. Vol. 12 (2): *Legal philosophy in the twentieth century: The civil law world*. Part 4: *Legal reasoning*. Ed. by Enrico Pattaro, 627–646. Dordrecht, Springer.
- Dolzhirov, Aleksey V., Anita K. Soboleva. 2022. "Interpretation and argumentation in the decisions of the Constitutional Court". *Konstitutsionnyi Sud Rossii: osmyslenie opyta*. Ed. by Andrey N. Medushevskii, 302–359. Moscow, Tsentr konstitutsionnykh issledovaniy Publ. (In Russian)
- Eemeren, Frans H., Grootendorst, Rob. 2004. *A systemic theory of argumentation, the pragma-dialectical approach*. New York, Cambridge University Press.
- Endicott, Timothy. 2001. "Law is necessarily vague". *Legal Theory*. 4: 379–385.
- Fatalieva, Daria A. 2023. "The theory of legal restraints: The actual limits of the judge's lawmaking power from the perspective of the neorealist theory of interpretation". *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Iuridicheskie nauki* 2: 368–382. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-2-368-382>
- Feteris, Eveline, Huis Kloosterhuis. 2009. "The analysis and evaluation of legal argumentation: Approaches from legal theory and argumentation theory". *Studies in Logic, Grammar and Rhetoric* 29: 307–331.
- Feteris, Eveline. 2016. "Advancing reason to its further borders". *A treatise of legal philosophy and general jurisprudence*. Vol. 12 (2): *Legal philosophy in the twentieth century: The civil law world*. Part 4: *Legal reasoning*. Ed. by Enrico Pattaro, 665–708. Dordrecht, Springer.
- Hart, Herbert L. A. 2007. *The concept of law*. Rus. ed. St. Petersburg, St. Petersburg University Press. (In Russian)
- Johnson, Ralph H. 2009. "Revisiting the logical/dialectical/rhetorical triumvirate". *OSSA Conference Archive* 8: 1–13.
- Lisanyuk, Elena N. 2004. "Argumentation in normative contexts: Approaches and challenges". *Kommunikatsia i obrazovanie: sbornik statei*. Ed. by Sergey I. Dudnik, 216–233. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshestvo Publ. (In Russian)

- Matczak, Marcin. 2018. "Why judicial formalism is incompatible with the rule of law". *Canadian Journal of Law & Jurisprudence* 1: 61–85. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2831477>
- Millard, Éric. 2012. "Les contraintes, entre ressources stratégiques et théorie de la régularité". *Droits* 1 (55): 23–40.
- Mochales, Raquel, Aagje Ieven. 2009. "Creating an argumentation corpus: Do theories apply to real arguments? A case study on the legal argumentation of the ECHR". *Proceedings of the 12th International Conference on Artificial Intelligence and Law (ICAIL '09)*: 21–30. <https://doi.org/10.1145/1568234.1568238>
- Perelman, Chaïm. 1976. *Logique Juridique. Nouvelle Rhétorique*. Paris, Dalloz.
- Regh, William. 2003. "Habermas, argumentation theory, and science studies: Toward interdisciplinary cooperation". *Informal Logic* 23 (2): 161–182.
- Soboleva, Anita K. 2001. *Topical jurisprudence*. Moscow, Dobrosvet Publ. (In Russian)
- Stelmach, Jerzy, Brozek Bartosz. 2006. *Methods of legal reasoning*. Dordrecht, Springer.
- Timoshina, Elena V. 2016. "Judge as a new sovereign: Voluntaristic interpretation theory of M. Troper". *Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Iuridicheskie nauki* 2: 50–61. (In Russian)
- Timoshina, Elena V. 2017. "Methodology of judicial interpretation: Genesis and evolution of the realist approach". *Pravo i politika* 12: 1–13. <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2017.12.25079> (In Russian)
- Timoshina, Elena V., Natalia S. Vasilieva, Arseniy A. Kraevsky, Vyacheslav E. Kondurov, Daria A. Soshnikova. 2022. *Strategies of judicial interpretation and principles of law*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press. (In Russian)
- Troper, Michel. 2006. "A realist theory of interpretation". *Sravnitelnoe konstitucionnoe obozrenie* 1 (54): 136–143. (In Russian)

Received: November 27, 2023

Accepted: April 29, 2024

Author's information:

Daria A. Fatalieva — Lecturer; <https://orcid.org/0000-0002-7590-7868>, d.fatalieva@spbu.ru